

Тайный СМЫСЛ

Щербин Александр

Александр Щербин

Тайный смысл

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69512833

SelfPub; 2023

Аннотация

Однажды находчивая учительница литературы весьма своеобразным и таинственным способом решила приобщить к «прекрасному» умного не по годам, на переменках вытворяющего всевозможные научные открытия, но скучающего на ее уроках сорванца. Но всё пошло, мягко говоря, не по плану.

Александр Щербин

Тайный смысл

Однажды... Нет. Начну по-другому. Сейчас поймете, почему. Эта история произошла намеренно. Да, именно так – намеренно. То есть, недавно.

Итак, эта история произошла намеренно в одной из самых обычных средних школ в небольшом городе с названием на букву «Н». Знакомьтесь, это герои нашей истории.

Аделаида Гавриловна – учительница младших классов. Интеллигентная женщина бальзаковского возраста с низким голосом и высокой моралью. Одевается элегантно и строго. За модой не следит, но тренды предчувствует. Она принципиально избегает образа синего чулка, однако если бы свои дизайнерские очки заменила на пенсне, то перед нами предстала бы настоящая английская леди: строгая, справедливая, невозмутимая и очень умная... Даже без очков.

Андрюша – не по годам любознательный восьмилетний непоседа. Выглядит по сравнению с мумией Тутанхамона прилично. Школьная форма слегка помята в функциональных местах и пахнет продуктами горения целлулоидных расчесок, использовавшихся в качестве топлива первой ступени самодельной ракеты. Андрюша только что запустил ее на школьном дворе. Такие мероприятия он позволяет себе не часто, но сегодня был особенный день – пуск удался. Ан-

дрюша учится в основном хорошо, но иногда позволяет себе бить балду на уроках литературы – там ему всё понятно, от того скучно.

Усилия Аделаиды Гавриловны приобщить одаренного шалопая к миру прекрасного в дружном коллективе класса до сих пор оказывались тщетными, и в этот день она решила попробовать сделать это в индивидуальном порядке – велела нашему герою явиться после уроков.

– Можно, Аделаид Гарилна? – выпалил Андрюша, выдыхая остатки дыма от пафосного пуска ракеты и глотая лишние на его взгляд буквы в столь же пафосном имени учительницы. Аделаида Гавриловна спокойно относилась к трансформации своего отчества. Она знала все свои прозвища, которыми заочно называли ее дети, в том числе и «Горилловна».

– Андрюша? Заходите, молодой человек. Я вас поздравляю с успешным пуском, – невозмутимым голосом произнесла учительница.

Андрюша оторопел. Он не предполагал, что «Горилковна» знает о полете в стратосферу. Скорее он был готов получить тумачков, ведь весь двор был в дыму, как после бомбежки. Однако Аделаида Гавриловна и весь педагогический коллектив школы знали, чего можно ожидать от мальчика-индиго, и были в перманентном тонусе. Пожарных не беспокоили, хотя, и они были начеку. Вундеркинд – что с него взять? Только фотки для «вконтакта».

Андрюша понял, что обошлось, и приблизился к учительскому столу.

– Видите ли, Андрюша, я вижу, что литература вам скучна. У вас другие приоритеты. И всё же я хочу поделиться с вами одним секретом, который может вас заинтересовать.

В андюшиных глазах появился блеск и чуть вытянулась шея. Аделаида Гавриловна заметила это.

– Дело в том, что в каждом литературном произведении есть тайный смысл, – учительница произнесла слово «тайный» столь загадочно, что Андрюша насторожился. – Скорее всего вы не улавливаете его, этот тайный смысл.

– Да, ну? – удивленно произнес Андрюша.

– Именно. Давайте я вам его покажу. Я уверена, что вы выучили стихотворение, которое я задавала на сегодня. Полагаю, для вас, мой одаренный друг, это не составляет труда.

– Хе. Конечно. За пять секунд, – обрадовался мальчик.

– Славно. Прочтите, пожалуйста.

Андрюша воодушевленно набрал в легкие побольше воздуха и преобразовал его в пулеметную очередь слов, составляющих знаменитое стихотворение Некрасова:

– Однажды, в студёную зимнюю пору,

Я из лесу вышел; был сильный мороз.

Гляжу, поднимается медленно в гору

Лошадка везучая хворосту воз.

И, шествуя важно...

– Остановитесь, пожалуйста. Я не сомневаюсь, что вы мо-

жете произнести весь текст на одном дыхании, но тайный смысл стихотворения так не разгадать. Нужно почесть с чувством. Тогда вы начнете обращать внимание на загадки и тайны. Да... какая это у вас лошадка?

– Лошадка? Везучая.

– Нет, дорогой Андрюша. Она везущая. То есть везет воз. А если бы она была везучей, то ей бы, например, на помощь пришел Человек-паук и дотащил груз до цели. Вот это было бы везение. Итак, Андрюша, пожалуйста, читайте и рассказывайте, как вы понимаете это таинственное стихотворение.

Андрюша задумчиво усомнился в тайнах, но начал:

– Ну... «Однажды, в студеную зимнюю пору...» Ну, однажды, зимой люди веселились...

– Так, поясните, пожалуйста, – удивилась Аделаида Гавриловна столь вольной трактовке. – Почему, собственно, веселились?

– Ну, типа, тут же «пору». Это, типа, они все уже навеселились и были упоротые.

Аделаида Гавриловна чуть не взорвалась от смеха. Сдержалась только по педагогическим соображениям, и стала поправлять:

– Пора – это промежуток времени, или просто время. Это строчка означает – «в холодное зимнее время». Помните, Винни Пух пел: «Пришла вечерняя пора, хозяева зевают, а если гость пришел с утра, такого...»

– ...не бывает, – продолжил Андрюша с мыслью, что Го-

рилловна впала в детство. – Я понял. И дальше понятно, типа, «я из лесу вышел...». А... нет... Здесь же падеж не тот! Нужно говорить «из леса», не «из лесу». Э-э, Некрасов облажался!

– Вы молодец, что заметили, но в те времена так говорили. Да и сегодня, порой, так говорят в просторечии: из лесу, из виду. К тому же таким способом Некрасов убрал лишнее ударение, чтобы сохранить размер стихотворения. Но это мы будем проходить в старших классах. Замечаете, дорогой Андрюша, всего две строчки – и уже столько сюрпризов. Давайте дальше.

Андрюша продолжил расшифровывать загадку Некрасова:

– «Гляжу, поднимается медленно в гору лошадка, везущая хворосту воз...» Зачем?

– Вопросы – это хорошо. Что вам, Андрюша, не понятно?

– Зачем какому-то хворосту нужен воз? Этот, типа, хворост их коллекционирует?

– Нет, нет, уважаемый Андрюша. Здесь примерно такая же хитрость. Так иногда говорят. Например, принеси мне кефиру стаканчик и кусочек сыру.

– Буфет уже закрыт – принял за чистую монету Андрюша.

– В буфет не надо. Кефир – это просто пример. Или вот другой пример: «Вам меду или сгущенного молока?»

– Лучше пороху и керосину, – сквозь зубы продавил Андрюша, подчеркивая необычные окончания слов, сделал па-

узу и вдруг недоуменно спросил: – А хворост?

– Что же вам не понятно про хворост? – столь же недоуменно подхватила учительница, полагая, что уж это слово известно всем.

– Кто это?

– Во-первых, это не «кто», а «что». А, во-вторых, хворост – это топливо.

– Топливо!?! – многозначительно воскликнул Андрюша и ему опять захотелось керосину. Именно с буквой «у» на конце.

– Хворост – это сухие ветки, – уточнила Аделаида Гавриловна.

– А-а... не. Пролёт. Слишком маленький удельный импульс. Расческа круче, – сказал Андрюша и шепотом добавил: – Или керосин.

На эту реплику Аделаида Гавриловна не стала отвечать. Вовсе не потому, что ее познания в ракетостроении были скудны – она понимала, если продолжить развивать тему удельного импульса и керосина, то Андрюша забудет про тайну «Мужичка», а это не входило в ее план, и она с максимально ненавязчивым эмфазисом произнесла:

– Да. Читайте дальше, дорогой друг.

Андрюша продолжил читать стихотворение:

– «И, шествуя важно, в спокойствии чинном, лошадку ведёт под уздцы мужичок...» Тут мужичок, типа, спокойно ведет лошадку убивать шестом...

– П... почему убивать? – заикаясь от удивления произнесла Аделаида Гавриловна.

– Чё почему? Тут же, как бы это... написано «ведет под уздцы» – всё, лошадке узда. Он ее шестом ка-ак... – копыта в стороны и, типа, эта – уздец.

– Совсем не так, дорогой вы мой Андрюша! Тут другой смысл. Узда – это нечто в роде намордника. С помощью узды управляют лошадыю. Узда состоит из разных частей. Например, удила. Это такие железки. Их вставляют в рот лошади, а к ним крепят поводья – такие шнурки. Вести лошадь под уздцы – значит идти рядом или впереди нее и слегка тянуть за поводья. А шествовать – это вовсе не махать шестом, а идти парадным шагом. В этих строках Некрасов показывает, что мужичок идет важно, спокойно, чинно – шествует. Понятно?

– Ну, типа, да. Я-то думал...

– Думать полезно. Молодец. Читайте дальше.

– «В больших сапогах, в полушубке овчинном, в больших рукавицах... а сам с ноготок!» Тут он в большой одежде, типа, в куртке. Походу, не по размеру.

– Да, правильно.

– Но ник у него совсем какой-то не клёвый – Сноготок. Ну, не Элджей, не Могернштейн. Сноготок! Хе. Похду, был в топе. Эх, Аделаида Гарилна, странный народ. Какие-то упоротые сноготки.

«Сноготок! Представляете, Сноготок!» – прокручивала в

уме учительница, бесшумно подергиваясь от едва сдерживаемого смеха. Она прикрыла лицо руками, чтобы Андрюша не заметил подергиваний.

– Сноготок – это не ник. Андрюша, разве вы не заметили, что там два слова, написанные с маленькой буквы: предлог «с» и «ноготок» – маленький ноготь. Мужичок был небольшого роста – мальчик.

– Извините, Аделаида Горилна. Ну, с каждым бывает. Погорячился... типа.

Аделаида Гавриловна обрадовалась, что молодой человек умеет признавать свои ошибки. Да еще как изысканно. Однако, внешне это никак не показала.

– Обратите внимание, дорогой Андрюша, что дальше пойдет диалог – разговор автора и мальчика.

– Ок, разберусь, – и Андрюша продолжил читать: – «Здорово, парнище!» – это он его, типа, подкалывает. «Ступай себе мимо!» – мальчик его посылает. Типа, вежливо. Х-м, молодец. «Уж больно ты грозен, как я погляжу!» Автор не хочет катиться колбасой; типа, эта... наезжает и говорит, «откуда дровишки?», а парнище ему, что из... волшебного леса...

– Я думаю, – прервала рассказ учительница. – Некрасов тут не был столь романтичным. Почему же вы, мой милый друг, решили, что лес волшебный?

Андрюша замялся, предчувствуя, что он опять понял что-то не так.

– Ну, как же? Тут же... это: «Из лесу, вестимо». Вестимый лес – значит волшебный. Тут еще и отец, походу, святой, рубит дрова, а они превращаются в хворост и сами складываются в воз. Ну, всё логично.

Аделаида Гавриловна на мгновение была дезориентирована безупречной логикой молодого дарования. «Это же надо так! Поразительно!» – почти вслух подумала учительница, собралась с мыслями и сказала:

– Действительно логично, однако вы, Андрюша, неверно истолковали смысл слова «вестимо». «Вестимо» от слова «весть» – знание, информация. «Вестимо» значит «конечно», «естественно». В стихотворении мальчик говорит: «Из лесу, конечно». От куда же еще? И нет никакого волшебного леса. И романтика тут отсутствует, вестимо.

– Н-да, – задумавшись произнес Андрюша, сделал паузу и серьезным голосом спросил: – А толерантность в те времена тоже насаждалась?

Если бы Аделаида Гавриловна была менее культурной, то она бы тотчас произнесла: «О-па!». «Интересно, откуда у молодого человека такое, мягко говоря, странное мировосприятие?» – думала учительница. «Хотя, понятно – телевизор, интернет... «Вестимо» – не знает, а в толерантности уже спец». Однако, Аделаиду Гавриловну распирало любопытство: куда же в конце концов заведет логика этого юного Аристотеля, этого индикатора цивилизационного развития человечества? И Горилловна пошла на провокацию.

– Толерантность, говорите? Поясните, пожалуйста.

С пресерьезным видом Андрюша начал пояснять:

– Походу, Некрасова для толерантности заставили в скобках написать «(В лесу раздавался топор дровосека.)»

– И что же здесь говорит нам о толерантности?

– То, что в те времена их тоже угнетали.

– Кого угнетали?

– Как кого? Дровосеков и лесбиянок.

– Да вы что, молодой человек! Какие в лесу лесбиянки?

– Такие же, как и дровосеки. Тут же: «семья-то большая, два человека всего мужиков-то» – семья мужиков! Ну, как же это также, Аделаида Горилна? Ясен же пень – дровосеки.

– Дровосек – это не... Дровосек по-нашему – это лесоруб. То есть, он сечёт дрова. От того и дровосек, – Аделаида Гавриловна, внутри раздираемая противоречиями, едва сдерживалась от истерики.

А Андрюша продолжал вопрошать:

– Я что-то не просекаю. Как это: сечь дрова? Вот вы сечете литературу, а он что, дрова?

– Дорогой Андрюша, – едва сдерживаясь от хохота молвила учительница, – изначальный смысл слова «сечь» – это рубить, резать, а еще бить... В основном, по попе. Кстати, во времена Некрасова за невыученные уроки и запуск ракет в околосемное пространство секли розгами по мягкому месту.

Андрюша с негодованием и нарастающим возмущением выпалил:

– Цветами? Розами по жо... по попе? И вы, типа, говорите, что они не дровосеки? – и Андрюша развел руками.

– Не розами, а розгами! Это специально вымоченные в воде прутья! Чтобы больнее было!

– Ну и нравы! – воскликнул Андрюша, сделал станславскую паузу и многозначительно продолжил: – Все-таки хорошо, что мы живем не тогда... а сейчас.

Андрюша и Аделаида Гавриловна еще долго увлеченно говорили о кричащем басом «Сноготке», о мертвой лошади, которую дергают за шнурки, о керосине и о моменте импульса. Он же был моментом озарения, потому что оба до сих пор и не подозревали, что в этом милом стихотворении такой большой тайный смысл.